

Земля наша велика и обильна

рѣша роуси . чю . и словеси . и крики . и вси . земля
наша велика и обильна . а на радостехъ . да
поудѣте оумъ . и мѣжити . и болодѣти :

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается

Книжная Типография
Санкт-Петербург
2019

УДК 902
ББК 63.4(2)

*Благодарим за финансовую поддержку данного издания
Георгия Петровича Визгалова и Олега Викторовича Кардаша*

Ответственный редактор:

С. В. Белецкий

Редколлегия:

Г. П. Визгалов, Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский,
О. В. Кардаш, В. А. Лапшин, А. И. Сакса

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук П. Г. Гайдуков,
кандидат исторических наук О. А. Щеглова

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. — СПб.: Невская Типография, 2019. — 442 с., 170 ил.

Сборник научных статей «Земля наша велика и обильна...», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 90-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, написанные историками и археологами из Вюрцбурга, Москвы, Парижа, Перми, Пскова, Риги, Санкт-Петербурга, Старой Ладogi и Сургута. В большинстве работ впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, чертежами, рисунками и картами.

Сборник адресован историкам, археологам, филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

ISBN 978-5-907053-29-8
DOI 10.31600/978-5-907053-29-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019
© Белецкий С. В., научное редактирование, 2019
© ООО «Невская Типография», 2019

Содержание

<i>В. А. Лапшин.</i> Анатолий Николаевич Кирпичников. К 90-летию со дня рождения.....	5
<i>Л. А. Губчевская.</i> «Заповедный» — значит «особо хранимый»	8
<i>Л. М. Всевиов</i> (составитель). Библиография работ А. Н. Кирпичникова.....	11
<i>А. А. Александров.</i> «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи)	14
<i>С. В. Белецкий.</i> Геральдические подвески X–XI вв.	30
<i>Р. Брузис.</i> Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии	50
<i>Ю. А. Виноградов.</i> О терракотовых статуэтках с изображением воинов из Ольвии	61
<i>К. В. Горлов, Н. В. Григорьева.</i> Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладogi	66
<i>Г. С. Гофман, Т. Ю. Закурина.</i> Изборская крепость в первой трети XIV в.	70
<i>Т. Н. Джаксон.</i> О природных чудесах Исландии	84
<i>А. Н. Егорьков, А. В. Плохов.</i> Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища	91
<i>И. И. Еремеев.</i> Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом	99
<i>М. М. Казанский.</i> О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы	113
<i>С. Ю. Каинов.</i> «Большой» меч из Чёрной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения)	125
<i>О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова.</i> Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты	140
<i>А. А. Кищук, О. В. Овсянников.</i> Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского	156
<i>Л. С. Клейн.</i> Спор о варягах как пережитое	183
<i>Н. Б. Крыласова.</i> Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае	201
<i>Ю. А. Кулешов.</i> Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии)	215

<i>А. А. Купранис.</i> О древнерусских весовых эталонах	241
<i>А. В. Курбатов.</i> Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным	245
<i>В. А. Лапшин.</i> Первые строители Петербурга	258
<i>П. А. Миляев.</i> Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада	267
<i>К. А. Михайлов, А. А. Пескова.</i> Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова)	286
<i>Е. Р. Михайлова.</i> Двушипные наконечники копий из Которского погоста	298
<i>А. Г. Панкратов.</i> Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси	312
<i>В. Я. Петрухин.</i> Вещий Олег и «могила в Ладогe»	322
<i>Н. И. Платонова.</i> Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии»)	332
<i>А. И. Сакса.</i> «Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в.	343
<i>Е. В. Салмина, С. А. Салмин.</i> В поисках захоба: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г.	358
<i>Т. Б. Сениченкова, Н. В. Семёнова, О. К. Дмитриева.</i> Новая находка из старых раскопок	379
<i>В. Ю. Соболев.</i> Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли	384
<i>П. Е. Сорокин, П. А. Васин.</i> Романские мечи из Приневья и юго-западного Приладожья	395
<i>Р. Спиргис.</i> Ливские подражания готландским брактеатам X–XIII вв.	405
<i>С. В. Томсинский.</i> Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля»	424
<i>С. Н. Травкин.</i> Повторное использование монет и хронология кладов на территории Юго-Восточной Европы в средние века	433
Сокращения	439

Н. И. Платонова
(Санкт-Петербург)

Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии»)

Обличение национализма в археологии и других социально-исторических дисциплинах, стремление выявить и заклеить «нацистские корни» отдельных методологических систем — эта проблематика является перманентно востребованной в современном научном мире (см. напр.: Шнирельман 1993; 2011; 2015; Мосионжик 2012). Ее актуальность свидетельствует, на мой взгляд, об усиленном, неприкрытом давлении политики на науку, которое лишь поменяло вектор по сравнению с советским периодом. К сожалению, уроки истории обычно усваиваются задним числом, после чего научное сообщество с готовностью наступает на те же грабли.

Изучение предшествующих научных практик, как представляется, не должно оборачиваться «идеологической проверкой» методик, теорий и парадигм с целью заклеить те из них, что покажутся ошибочными или «вредными». Последнее никогда не приводило к добру, не спасали и благие намерения. В основе любой идеологической проверки, вне зависимости от того, где и кем она осуществлялась (в гитлеровской Германии, в СССР эпохи сталинизма или застоя, на современном либеральном Западе, в нынешней России и т. д.), лежит подспудное отождествление идеологии и науки, отождествление «нежелательных» мировоззренческих корней, породивших те или иные научные подходы, с конкретными методами, выработанными на основе этих подходов. А это далеко не одно и то же.

В качестве примера того, насколько различными могли быть и идеологическая подоплека, и интерпретация научных результатов, полученных одними и теми же методами, я хочу привести сравнительный анализ деятельности двух крупнейших археологов конца XIX — первой трети XX в. — Густафа Косинны и Александра Андреевича Спицына.

Общеизвестно, что методическая система Косинны включала в себя: а) понятие *культуры* (т. е. *культурного комплекса*, реконструированного в материале на основе встречаемости ряда характерных элементов); б) *географический метод*, позволяющий локализовать культуру в пространстве путем картографирования памятников; в) *ретроспективный метод*, выявляющий преемственность элементов (и, соответственно, культур) от настоящего к прошлому, от известного к неизвестному. Ареал культуры (или «культурную провинцию») ученый ассоциировал с «народоплеменной общностью»; перемещение комплекса признаков в пространстве — с *миграцией народа* (Kossinna 1911: 4–5). Так выглядят вкратце основные методические

принципы, которые Г. Косинна разрабатывал и конкретизировал всю жизнь. Не будет лишним отметить: двигала им заветная идея — подтвердить огромное влияние германцев на всю историю цивилизованного человечества и археологически идентифицировать «индогерманский пранарод»¹. Современная историография обычно принимает эту «систему» за образец истинного «нацизма в археологии».

Последнее справедливо только отчасти. Конечно, *идеологическая составляющая* трудов Косинны и выводы, им сформулированные, другого определения не заслуживают. Но если давать его трудам профессиональную оценку, вырисовывается куда более сложная картина. Конкретные археологические методы, изначально взятые Косинной на вооружение, являлись идеологически совершенно нейтральными. Ни в картографировании памятников, ни в ретроспективном прослеживании культурной преемственности, ни в воссоздании культурных комплексов, как таковых, ничего специфически расистского или националистического не было и быть не могло. Разумеется, любой из этих научных инструментов всегда можно постараться *использовать* для подобной трактовки. Но вряд ли невинные чернила и перья, которыми А. Гитлер писал «Майн Кампф», разделяют с ним ответственность за созданный текст.

В начале 1920-х гг. престарелому Косинне пришло время подводить итог. Созданная им «методическая система» (разумеется, в случае корректного ее использования!) желанного результата не давала, и сам он не мог этого не понимать. В частности, ретроспективный метод фиксировал несомненный культурный разрыв между комплексами среднего бронзового века Северной Германии и более ранним периодом. Ожидаемой преемственности «германских» культур эпохи бронзы с неолитом Ютландии не получалось. Да и предполагаемых частых миграций на юг и восток с территории Северной Европы в материале, при хоть сколько-нибудь строгом подходе, не фиксировалось... Следовало пересмотреть концепцию. Но для Косинны это было невозможно психологически — особенно после недавнего поражения в войне и унижения Германии в Версале. И он, действительно, отказался, но не от исходной идеи, а от методов, которыми не смог ее доказать.

Чтобы обосновать гипотезу о связи «германцев» бронзового века с «германцами» эпохи неолита, Косинна в обход археологии стал ссылаться на антропологию, на «нордические» черепа, принадлежащие носителям ютландской «культуры кьёккенмёддингов» (у него — «культуры Эллербек»). С точки зрения методов, обоснованных и развитых в том числе им самим, это было недопустимо. Ни культурной, ни хронологической близости между ранним неолитом Ютландии и средним бронзовым веком Германии в материале не наблюдалось. А тождество культуры и антропологического типа никто убедительно не доказал... Но упрямого старика это не остановило.

Тогда же он на практике отступил и от другого своего принципа, согласно которому свидетельством миграции достоверно является распространение на новые территории не одного, а *целого комплекса* взаимосвязанных культурных элементов... Теперь Косинне стало казаться, что и одного элемента достаточно. В результате, путем многих подстановок, прародина индогерманцев в Ютландии всё же была «открыта», а их «походы на Восток» описаны в деталях. Откровенно расистский

¹ Новейший анализ трудов Г. Косинны и подробная библиография проблемы «косиннизма» содержатся в: Клейн 2011: 491–527.

характер этого последнего крупного труда (Kossinna 1936) не подлежит сомнению. Но возникает вопрос: что лежало в основе сделанных выводов — «методическая система» автора или его собственное *отступление от нее*?

Безусловно, Косинна был знатоком своего материала. Даже в этом последнем его труде присутствовало немало частных наблюдений, представлявших научный интерес. Тем не менее, следует согласиться с Л. С. Клейном: на старости лет ученый де-факто «признал банкротство» своей методической системы «в столкновении с той основной исследовательской задачей, для решения которой эта система и была создана, — задачей отыскания «индогерманского пранарода»... (курсив мой. — Авт.)» (Клейн 2011: 511). На мой взгляд, это косвенно свидетельствует не только о неверной постановке задачи, но и об объективности собственно археологических методов, изначально включенных Косинной в свой арсенал.

Что касается таких провозглашенных им принципов, как «историческое право» германцев на территории (будто бы измеряемое древностью появление там их предков), объяснение «душевно-духовных сил» народов их расовым типом (Kossinna 1936: 93–95) и т. п., то они, по большому счету, характеризуют степень политизации им археологии, а отнюдь не научную составляющую его «методической системы». Здесь проявилась, в первую очередь, квазирелигиозная вера убежденного пангерманиста в германскую избранность.

Любопытно сопоставить «феномен Косинны» и породивший его исторический контекст с тем, что происходило в России в то же самое время в соответствующих областях археологии? Говоря о программной публикации Г. Косинны «Немецкая доистория — чрезвычайно национальная наука» (Kossinna 1912), Л. С. Клейн замечает: «Через все главы красной нитью проходит одна фанатически отстаиваемая идея — что, вопреки сообщениям античных писателей и мнению современных ученых-классиков, *ранние германцы и их предки индогерманцы не были варварами*. Что, наоборот, они в основных проявлениях культуры стояли выше всех других народов (курсив мой. — Авт.)» (Клейн 2011: 502–503).

В России в указанный период также присутствовало стремление доказать археологически, что *древние славяне и их потомки не были дикарями, которых цивилизовали германцы* (сначала в лице летописных варягов, потом — «немцев», приглашенных в Россию Петром I). Так, за археологическими построениями старших современников Косинны Д. Я. Самоквасова и И. Е. Забелина (Забелин 1876–1879; Самоквасов 1886; 1887; 1908) без труда просматривается влияние той самой национальной уязвленности, которая всю жизнь не давала покоя Г. Косинне. При этом Д. Я. Самоквасов первым попытался увязать археологический материал европейской части Российской империи в единую систему и распределить его по эпохам (Самоквасов 1892: VI–VII).

В своих этногенетических построениях он исходил из археологического материала, всецело доверяя ему как источнику. Между тем, данные, которыми ему приходилось оперировать, находились в начальной стадии разработки. Они являли собой слабо упорядоченную мозаику разновременных, разнородных культурных явлений, в которой, при желании, можно было усмотреть (и вырвать из контекста) самые разные элементы и связи. Недостаточная структурированность материала заметно сказалась на общих представлениях Самоквасова.

Вести детальную разработку отдельных категорий вещей он не умел. Он был первопроходцем, раскопщиком и прямо от полевого отчета перескакивал к глобальным построениям. Наличие в курганах разновременных погребений, принадлежавших разным эпохам и культурам, он уверенно трактовал как их прямую преемственность, как многовековое автохтонное развитие единого «народа», ветвью которого являлись славяне. Периодическая иммиграция в Причерноморье новых групп населения (скифов, эллинов, сарматов и др.), по его мнению, вовсе не прерывала на этой территории процесса внутреннего развития, а лишь оставляла в культуре новые «наслоения».

В итоге картина получилась грандиозная. Потомками скифов объявлялись не только славяне, но и германцы, «литовцы» (балты), аланы, болгары, гунны, хазары и др. В V в. до н. э. все они якобы имели единые язык и обычаи, а далее очень быстро разделились и обособились. «Праславяне» (или «геты–даки–скифы–праславяне») первоначально жили между нижним Дунаем и нижним Днепром, а со II в. н. э. начали расселяться в разных направлениях. «Вещественным доказательством» расселения автор считал клады римских монет I–II вв.

Ведущие русские археологи рубежа XIX–XX вв. не приняли этих рассуждений всерьез, хотя активно использовали публикации конкретных материалов Самоквасова как первоисточник. Давать «эпохам» этнографические названия было сочтено преждевременным. Вопрос о кладах римских монет как показателях славянской миграции стал предметом острой дискуссии. Д. Я. Самоквасов утверждал, что за пределами славянских земель находки кладов, якобы, отсутствуют. Это было грубейшей ошибкой. Ответом стала убийственно-корректная отповедь Д. Н. Анучина, изданная отдельной брошюрой. Очерк заканчивался указанием на «скороспелые выводы», «невежественные промахи» и «большие недоразумения, внесенные в науку» (Анучин 1888: 28).

В общем и целом, идеология панславизма отразилась в трудах профессиональных археологов Российской империи на удивление слабо. Если в Германии Косинна, несмотря на многочисленные критические отзывы в свой адрес (Клейн 2011: 500, 506–507), всё же сумел создать влиятельную научную школу, то в царской России археологи-панслависты играли куда более скромную роль. Позитивистская историческая наука Российской империи, жестко требовавшая от ученых «положительной критики источников», систематически вытесняла на дальнюю периферию все идеи об арийском происхождении славян, их миграциях из Азии в Восточную Европу, преемстве России и «кочевых империй» и пр.²

² Довольно полный обзор популярной литературы, в которой отразились указанные представления, приведен в монографии: Шнирельман 2015, т. I. Однако к научной археологии, являющейся предметом нашего анализа, это имеет лишь отдаленное отношение. Несколько выделяется на общем фоне лишь книга В. М. Флоринского (Флоринский 1894), военного врача по образованию, ставшего первым ректором Томского Императорского университета и основателем при нем Археологического музея. Флоринский попытался концептуально обобщить историю племен, живших на территории Сибири, и связать ее с историей происхождения славян. Многие роднит его подход с представлениями Д. Я. Самоквасова. Работа Флоринского, безусловно, заслуживает уважения как важный этап в деле систематизации источников и одна из первых попыток осмысления этнокультурной истории славян. Однако привлечение археологического материала Сибири как иллюстрации широких построений о переселениях индоевропейцев носит в ней, по сути, донаучный характер.

Тем не менее, прямая методологическая переключка с Г. Косинной действительно имела место в дореволюционной России. Но демонстрировали ее специалисты, как раз очень далекие от «славянской школы». Чтобы понять это явление, следует обратиться к «феномену Спицына».

А. А. Спицын заслуженно считается создателем фундаментальной источниковой базы, на которой строилась вся археология СССР XX в. (особенно в первой половине — середине этого столетия). Его исследовательская методика вполне сопоставима с подходом Г. Косинны, ибо она включает выделение культур, картографирование их элементов, проецирование границ раннесредневековых «племен» на археологическую карту, признание важности миграций и заимствований. Несомненно, ученые работали в рамках единого направления, причем совершенно независимо. Косинна русского языка не знал, а Спицын, хотя читал по-немецки (даже реферировал кое-что важное для российской печати), не мог позаимствовать методы у германского коллеги, ибо стал применять их на практике раньше него.

Реконструкция древних этнографических сообществ Восточной Европы по археологическим данным была реализована Спицыным уже в первой крупной работе (Спицын 1899). Там еще нет «культуры» как обобщающего понятия археологии, но есть фактическое выделение культурных комплексов в рамках более широкой общности, которую Спицын назвал «общерусской». Таким образом, он фактически первым конкретизировал содержание понятия «древнерусская культура» (отнеся ее сложение к XI в.) и сразу же выделил в ней ряд вариантов, которые связал с летописными «племенами».

Нередко говорят, что Спицын выделял ареалы племен по типам височных колец. Это неверно. Височные кольца, действительно, оказались самым значимым элементом при группировке материала. Однако Спицын работал не с единичными типами вещей. Он старался учитывать целые комплексы взаимосвязанных элементов, включая типы погребальных сооружений, детали погребального обряда и самый разнообразный инвентарь (разумеется, с поправкой на степень изученности). Понятие «культура» он ввел в свои работы с 1901 г.

Всё это очень напоминает подход зрелого (но не позднего!) Косинны, нашедший отражение в его знаменитой статье «Орнаментированные железные наконечники копий как признак восточных германцев» (Kossinna 1905). В ней Косинна стремилась, по крайней мере, на словах, работать не с отдельными типами артефактов, а с их устойчивыми сочетаниями. Оригинальность подхода в обоих случаях не подлежит сомнению, поэтому важно понять: на какой общей подоснове он возник?

Этническая интерпретация культур и отождествление их с народами не являлись изобретением Косинны или Спицына. В явном или скрытом виде это присутствовало в научной археологии изначально, с самого момента ее рождения в первой половине XIX в. Методы интерпретации археологических памятников формировались на базе: 1) опыта, накопленного этнографией; 2) информации о древних «народах», полученной из письменных источников. И в том, и в другом случае «племя» (= «народ», «этнос») являлось важнейшим обобщающим понятием.

В период господства эволюционизма природа культурных единств, выявленных в археологическом материале, еще не являлась предметом специального анализа. Но их этнический характер всё равно молчаливо подразумевался. Подтверждение тому можно найти даже в работах О. Монтелиуса (Montelius 1888: 151–160).

Рудольф Вирхов (1818–1902) и Отто Тишлер (1814–1891) уже в 1870–1880-х гг. фактически выделили в Европе целый ряд культур железного и бронзового века (у Вирхова — Kultur-Typus) (Daniel 1950: 243). Они основывались на повторяющихся сочетаниях признаков. При этом исследователи не сомневались в *этнической* природе этого явления (см. напр: Virchow 1870). Они не избегали конкретных этнических определений, напротив — стремились к ним. В рамках данного подхода, изначально сложившегося в Скандинавии, идея эволюции культуры во времени органично увязывалась с восприятием памятников как *наследия предков, национальных древностей*, и одновременно — с требованием разностороннего естественнонаучного анализа находок (Trigger, 1989: 83–85). Хорошей иллюстрацией тому служит прочувствованная речь Р. Вирхова (которого, кстати, никто никогда не обвинял ни в расизме, ни в воинствующем национализме): «...никто не может быть свободен от мысли: *а жили ли наши предки уже в позднем каменном веке в этой стране? Сидели ли здесь уже тогда германцы или ну вот хотя бы славяне?* Нет ведь ни одной души, столь омертвевшей, чтобы хоть раз не проникнуться ощущением связи, в которой она стоит к другим личностям и в которой ее народ стоит к другим народам... (курсив мой. — Авт.)» (Virchow 1884: 74–75; ср.: Клейн 2010: 10).

Попытки отрицать преемственность между Вирховом и Косинной (Fetten 2000: 170–171) представляются мне необоснованными. Научная их преемственность выступает вполне рельефно, а личные и политические разногласия не столь важны. Чтобы произвести свою «революцию», Косинне потребовалось лишь переставить акценты: этническую составляющую возвести в абсолют и подменить романтический национализм своих предшественников собственным воинствующим пангерманизмом (ср.: Клейн 2005: 386).

Вопрос о теоретических взглядах А. А. Спицына долго не поднимался в литературе просто потому, что за ним прочно закрепилась репутация сугубого эмпирика, человека, за всю жизнь не опубликовавшего ничего по теоретическим вопросам. Лишь сравнительно недавно выяснилось: в 1909 г., когда Спицын пригласили читать курс археологии в Санкт-Петербургском университете, ему волей-неволей пришлось систематизировать для студентов не только артефакты, но и собственные идеи и представления. Уникальные документы — его подготовительные наброски к лекциям — пролежали в архиве без изучения почти 90 лет (Платонова 2004; 2009).

Из этих записей можно понять, что археология в целом сопоставлялась Спицыным с «этнографией в истории», и конечной целью анализа археологического материала являлось для него решение «историко-этнологических проблем». Представление об «историческом характере» археологии и историко-бытовой (этнографической) реконструкции как главной цели работы он усвоил, безусловно, от своих предшественников в России — П. И. Лерха и А. С. Уварова (Платонова 2010: 70–82). Однако сам принцип совпадает с общей установкой Косинны. Тот именовал свое направление «Siedlungsarchäologie» (что я, вслед за Л. С. Клейном, склонна переводить, как «habitation archaeology», «археология обитания»). Наряду с этим, им употреблялись термины «ethnographische Vorgeschichte» («этнографическая доистория») и «Vorhistorische Ethnologie» («доисторическая этнология») (Kossinna 1911: 13, 16; Клейн 2011: 502). Изначально метод у обоих был «этнографическим».

Археологический материал представлялся Спицыну (и Косинне!) *наиболее весомым аргументом при решении проблемы племенной принадлежности*. Правда,

Спицын осознавал неоднозначность информации об этнической принадлежности носителей археологических культур (Косинна — тот не желал осознавать). В статье «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» он пишет: «Мы нашли, что на основании археологических данных племена эти могут быть соединены в три группы, и определили состав каждой из них, но — *культурное единство не есть единство племенное...* (курсив мой. — Авт.)». Несколькими строками ниже читаем: «...единство по языку еще не есть единство по крови» (Спицын 1899: 339).

Таким образом, «культура», по Спицыну, не покрывает целиком понятия «народности». Для последней характерны и такие признаки, как *общий язык, общее название, физические особенности, единая религия*. Но... за неимением других источников, он всё же считает возможным определять народность по *внешней форме* ее репрезентации — культуре: «В толпе, а особенно в доме, вы безошибочно отличите финна, цыгана, татарина, француза, еврея, киргиза, потому что каждый из них на свой лад», — утверждал Спицын (НА ИИМК. РО. Ф. 5. Д. 101. Л. 10 об.). Если народности различимы в настоящее время (по предметам быта, костюму, домашней обстановке), то почему же они не различимы в прошлом? — задавал он вопрос.

Спицын, в сущности, видел в «культуре» именно отражение древнего *этнографического единства* в его материальном, археологизированном воплощении. Это была для него «некая единица», совокупность археологических памятников, в рамках которой разные их категории тесно увязаны и объединены в «стройное целое». По ним археолог должен «восстанавливать» (в идеале!) «целую житейскую обстановку» древнего сообщества (конечно, на практике идеал чаще всего оказывался недостижим). В «стройном целом» легко опознается будущая «археологическая культура».

В своей практической работе Спицын активно применял ретроспективный метод. В учении Косинны ретроспективный метод также оказался одним из главных звеньев. Идею он, конечно, приписывал себе, хотя раньше она высказывалась другими, правда, мимоходом (Montelius 1888: 151–160; Клейн 2011: 494). В России эту мысль озвучил П. И. Лерх еще в 1860-е гг., но не успел апробировать ее на археологическом материале. Безусловно, идея «носилась в воздухе», а сама исследовательская мысль развивалась в России и Германии в едином русле, по единой логике. Однако пангерманистская, агрессивно антиславянская составляющая учения Косинны, разумеется, была неприемлема для российских ученых.

Интересно отметить, что некоторые элементы биологизации социальных явлений присутствуют не только у Косинны, но и у Спицына. Сохранился его набросок: «...Народность и культура — отдельные организмы человечества. Это то, что в зоологии и ботанике — вид. Каждая народность состоит из коренной и ... воспринятых приемышей... *Культуры, как и народности, представляют организмы. Это аксиома археологии* (курсив мой. — Авт.)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 5. Д. 101. Л. 13).

Идеи сравнения человеческого сообщества (или государства) с «организмом», вкупе с построением соответствующих моделей, стали в Европе весьма модными, начиная с 1860–1870-х гг. (Колчинский 2006: 99–101; Платонова 2010: 81). В основе своей они восходили к классикам позитивизма О. Конту и Г. Спенсеру. Вопрос о природе единств, изучаемых этнографией и археологией, о том, что же представляет собой «народность» (ἔθνος), живо обсуждался в 1900–1910 гг. в кругу этнографов Петербурга и Москвы. Цитированная запись Спицына вполне могла быть

рефлексией по поводу дискуссии, завязавшейся в печати именно в это время (Могиланский 1909; 1916; Максимов 1910: 14–24).

Однако идея даже не народности, а именно культуры как «вида» (то есть живого, системно организованного целого, обособленного от других) представляла собой в начале XX в. нечто новое, по крайней мере, в археологии. Конечно, можно предположить влияние на Спицына идей «морфологии культуры» его современника Лео Фробениуса, утверждавшего: «...каждая культура развивается, как живые организмы... переживает рождение, детство, зрелый возраст и старость, и, наконец, умирает» (Frobenius 1898: X, цит. по: Токарев 1978: 139). Но куда вероятнее, что источник находился ближе, и им послужило идейное наследие Н. Я. Данилевского, который еще в 1869 г. сформулировал теорию обособленных, локальных «культурно-исторических типов», развивающихся подобно живым организмам. В его трактовке и сами эти «типы», представляющие собой надэтнические образования (цивилизации), и народы, их составляющие, «нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют и умирают» (Данилевский 1991: 74).

Могло ли отождествление культурных единств с этническими, вкупе с биологизацией понятий народа и культуры, привести автора, в конечном счете, к расизму, нацизму и т. д.? Безусловно, могло: в соответствующем историческом и социально-психологическом контексте. Однако... могло и не привести. И в этом плане сопоставление Косинны со Спицыным весьма показательно.

Спицын демонстрирует историкам науки пример редкостного, эпического спокойствия в вопросах этнической принадлежности памятников археологии. В этом он — прямая противоположность Косинне, для которого обслуживание идеологических запросов Германской империи являлось делом долга и чести. Спицына глубоко интересовали проблемы славяно-русских древностей и их происхождение. Но преданность Родине отнюдь не побуждала его создавать из русской археологии «чрезвычайно национальную науку» на манер Косинны. Данный феномен тем более интересен, что в конкретных научных методиках у них почти не было расхождений.

В отличие от Косинны, Спицын с легкостью преодолевал то, что называлось тогда в российских академических кругах «внушениями узкого патриотизма» (Толстой, Кондаков, 1889: I–II). «Что обещает дать археология для собственно русской истории?» — задавал он вопрос. И сам же с неподдельной радостью отвечал: *«Для древней истории — очень много и самые удивительные вещи! Согласитесь, что основной вопрос начала Русского государства есть вопрос о территории, о племенах, занимавших землю в момент образования государства. Молчаливым соглашением принято думать, что Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск, Волынь, Киев... Черниговщина уже к этому времени имели сплошное русское население... Археологические исследования весьма сокращают эту фантастическую картину. <...> Мы весьма сомневаемся, что Полтавщина в IX–X вв. имела значительное славянское население, и видим здесь в эту пору совершенно иные племена, иранские. Еще большие отторжения археология производит на Севере России. Ею определенно поставлен вопрос, действительно ли Смоленск, Новгород и Псков в IX в. были заселены русскими? Анализ имеющихся данных скорее ведет к... решению этого вопроса в пользу финнов... (курсив мой. — Авт.)»* (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 5. Д. 101. Л. 9 об.-10).

Таким образом, Косинна со своими индогерманцами в неолите завоевывал Индию (правда, Германии этим пользы не принес). А Спицын, напротив, «производил отторжения» от территории Руси (не нанеся этим, впрочем, ни малейшего ущерба

России). Стояли они, как ни странно, на очень близких научных позициях. Их воззрения формировались в едином научном пространстве, в сходных социальных контекстах. Только Спицын своим принципиальным научным установкам следовал на практике. А Косинна их попросту нарушал — всякий раз, когда возникала опасность, что изначальная идея не подтвердится.

Феномен Спицына — неслучайное явление в субкультуре ученых, сложившейся в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. За ним стояло новое понимание «русскости» и русского патриотизма, которое вырабатывалось в кругах интеллектуальной элиты и которое можно считать первым вариантом концепции мультиэтнической всероссийской общности на территории Империи.

Завершая наше сопоставление научных взглядов двух, без преувеличения, великих археологов старой Европы, подчеркнем следующее. Методы и приемы исследования, использованные и развитые в трудах Косинны, нельзя напрямую ассоциировать с воинствующим национализмом или, тем более, «нацизмом в археологии». Этот методологический аппарат, сам по себе, являлся идеологически нейтральным и мог лишь использоваться (или не использоваться) в националистическом контексте. Нередко такое использование, диктуемое вненаучными факторами, было сопряжено с прямым отступлением от требований научной методологии.

Косинна не изобретал представлений о сопряженности культуры и народности, ибо эти представления являлись исходными и основополагающими для европейской археологии XIX в. Поэтому считать его «учениками» всех археологов второй четверти — середины XX в., придерживавшихся этой позиции, также совершенно неправомерно. Археологи Западной Европы унаследовали ее, как минимум, *не только от него*. Что же касается СССР 1940–1950 гг., то здесь в указанный период актуализировалось отнюдь не наследие Г. Косинны, как считают некоторые коллеги (см. например: Шнирельман 1993: 60), а наследие А. А. Спицына, В. А. Городцова, Г. Чайлда и др.

У всех упомянутых археологов было с Косинной немало общего, ибо их теории и научные установки являлись, в сущности, побегам одного древа. Однако особенностью воззрений Косинны, особенно на позднем этапе его творчества, было признание сопряженности культуры даже не с этносом, а с расовым типом, «кровью». Заметим: это последнее вовсе не являлось результатом приложения к материалу конкретных методов археологического анализа, в развитие которых Косинна внес свой вклад. Нет, они были всецело «навязаны» материалу мировоззрением исследователя. Большинство его современников, работавших в рамках той же парадигмы, подобных представлений не разделяли.

Резюмировать приведенные данные можно следующим образом: в деформации науки и профанации ее выводов, под влиянием национального фактора, повинны отнюдь не научные методы и не концепции как таковые — даже если они односторонни и, действительно, уязвимы для критики. Повинны в них личности и социальные группировки, для которых вненаучные факторы становятся ключевыми. В моменты кризисов, когда именно эти факторы начинают доминировать в общественном сознании, социальное и политическое давление на науку резко возрастает. Поэтому проблема «избыточного национализма» в археологии любой страны — это, в первую очередь, проблема *вненаучных факторов*, обусловленных идеологией национальной уязвленности, национального неравенства или расовой иерархии, провоцирующих нарушение процедуры археологического исследования и разрушение научной этики.

Литература

- Анучин 1888 — *Анучин Д. Н.* Кто вводит в науку большие недоразумения? Вопрос и ответ профессора Д. Н. Анучина профессору Д. Я. Самоквасову. М.: тип. «Рус. вед.», 1888. 28 с.
- Данилевский 1991 — *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / Сост., послесловие и комм. С. А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 574 с. (Историко-литературный архив).
- Забелин 1876–1879 — *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. В 2 ч. М., 1876–1879. Ч. 1. М., 1876. 647 с. Ч. 2. М., 1879. 520 с.
- Клейн 2005 — *Клейн Л. С.* Археология и идеология: немецкая археология при двух диктатурах. Рец. на сборник Н. Härke 2000 // SP. 2003–2004 (2005). № 3. С. 384–389.
- Клейн 2010 — *Клейн Л. С.* Рудольф Вирхов и взаимовлияние наук // Троицкий вариант. 2010. № 61. <https://trv-science.ru/2010/08/31/rudolf-virxov-i-vzaimovliyanie-nauk>.
- Клейн 2011 — *Клейн Л. С.* История археологической мысли. В 2 т. Т 1. СПб.: Изд. дом. СПбГУ, 2011. 687 с.
- Колчинский 2006 — *Колчинский Э. И.* Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2006. 637 с.
- Максимов 1910 — *Максимов А. Н.* Современное положение этнографии и ее успехи // Этнографическое обозрение, 1909. Т. 4. М.: Тип. Имп. Московского ун-та, 1910. С. 9–24.
- Могиланский 1909 — *Могиланский Н. М.* Этнография и ее задачи // Ежегодник Русского антропологического общества, 1908. Т. III. СПб.: Тип. А. Розена, 1909. С. 102–105.
- Могиланский 1916 — *Могиланский Н. М.* Предмет и задачи этнографии // Живая старина. 1916. Вып. I. С. 1–22.
- Мосионжник 2012 — *Мосионжник Л. А.* Технология исторического мифа. СПб.: Нестор-История, 2012. 404 с.
- Платонова 2004 — *Платонова Н. И.* Александр Андреевич Спицын о предмете, задачах и методах археологии // Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (ред.). Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сборник статей памяти проф. И. В. Дубова. СПб.: Изд. СПбГУ, 2004. С. 134–149.
- Платонова 2009 — *Платонова Н. И.* Александр Андреевич Спицын о теории археологии // РА. 2009. № 3. С. 129–137.
- Платонова 2010 — *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России: вторая половина XIX — первая треть XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Самоквасов 1886 — *Самоквасов Д. Я.* Клады римских монет в пределах земель русских и польских славян // Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884 г. Т. I. Одесса: Тип. А. Шульце, 1886. Протоколы. С. LXVТI.
- Самоквасов 1887 — *Самоквасов Д. Я.* Генетическое, этнографическое сродство Скифов и Славян // Гр. П. С. Уварова (ред.). Труды V Археологического съезда в Тифлисе, 1881 г. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887. С. 196–202.
- Самоквасов 1892 — *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей. Варшава: Тип. М. Земкевич, 1892. 149 с., 10 ил.
- Самоквасов 1908 — *Самоквасов Д. Я.* Происхождение русского народа. М.: Синодальная тип., 1908. 15 с.

- Спицын 1899 — *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Т. 8. С. 301–340.
- Токарев 1978 — *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978. 352 с.
- Толстой, Кондаков 1889 — *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. Классические древности Южной России. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1889. 120 с.
- Флоринский 1894 — *Флоринский В. М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Ч. 1. Томск: Типо-Литография П. И. Макушина, 1894. 360 с.
- Шнирельман 1993 — *Шнирельман В. А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52–68.
- Шнирельман 2011 — *Шнирельман В. А.* «Порог толерантности». Идеология и практика нового расизма. М.: НЛО, 2011. Т. 1. 552 с. Т. 2. 856 с.
- Шнирельман 2015 — *Шнирельман В. А.* Арийский миф в современном мире. М.: НЛО, 2015. Т. 1. 536 с. Т. 2. 440 с.
- Daniel 1950 — *Daniel G. E.* A hundred years of archaeology. London: Gerald Duckworth, 1950. 350 p.
- Fetten 2000 — *Fetten F.* Archaeology and anthropology in Germany before 1945 // Harke H. (ed.). Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. P. 140–179.
- Frobenius 1898 — *Frobenius L.* Ursprung der afrikanischen Kulturen. Berlin: Gebrüder Borntraeger, 1898. 368 p.
- Kossinna 1905 — *Kossinna G.* Die verzierten Eisenlanzenspitzen als Kennzeichen der Ostgermanen // Zeitschrift für Ethnologie. 1905. Jg. XXXVII, H. II u. III: 369–407, H. IV: 596–599.
- Kossinna 1911 — *Kossinna G.* Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg: Kabitzsch Verlag, 1911. 30 s. (Mannus-Bibliothek 6).
- Kossinna 1912 — *Kossinna G.* Die deutsche Vorgeschichte, eine hervorragend nationale Wissenschaft // Mannus. 1912. IV. S. 17–19.
- Kossinna 1936 — *Kossinna G.* Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Leipzig, 1936. XII, 238 s.
- Montelius 1888 — *Montelius O.* Über Einwanderung unserer Vorfahren in den Norden // Archiv für Anthropologie. 1888. Bd. 17. S. 151–160.
- Trigger 1989 — *Trigger B. G.* A history of archaeological thought. Cambridge: University Press, 1989. 500 p.
- Virchow 1870 — *Virchow R.* Über Gesichtsurnen // Zeitschrift für Ethnologie. 1870. S. 73–86.
- Virchow 1884 — *Virchow R.* Über ostdeutsche prähistorische Altertümer // Korrespondenzblatt der Deutscher Anthropologischen Gesellschaft. 1884. 15 (9). S. 74–75.